

В беседе с корреспондентами парижского еженедельника «Нуэль», которую мы перепечатываем в сокращении, И. Бергман рассказывает о своих последних работах и разочарованиях, придавших пессимистический оттенок его взглядам на роль искусства в обществе.

ЖНИК
МЯ

например. Я просто сгораю от нетерпения.

— Снял 50 фильмов, открыли ли вы благодаря им в самом себе нечто новое?

— Я надеюсь. Но объясню этим не столько своим фильмам, сколько жизни. Сейчас многие вещи я понимаю гораздо лучше. В двадцать пять лет вам кажется, что вы правите миром, ваши идеи, мнения превосходны, вы точно знаете, как устроен мир, все поняли. У вас тело молодого бога, душа чиста. Но на самом деле вы недалеко ушли от детства! И только позднее вы понимаете, как все в действительности сложно.

Жизнь — это водоворот, сила которого заранее неизвестна. Одним удается противостоять ему, другие погружаются в него и медленно исчезают... В моем возрасте человек уже знает себя, и у него еще есть время проявить к окружающему больше доброты и велико-

Ингмар
БЕРГМАН:

менты. И наоборот. Людям всегда кажется, что вы снимаете комедии, когда у вас все хорошо, а трагедии — когда плохо. Комедию «Улыбки летней ночью» (1956) я снимал в самый тяжелый период моей жизни.

— Какова ваша жизненная философия?

— Замените слово «философия» словом «мораль», и я вам отвечу. Ваши повседневные решения основаны на морали, они не имеют ничего общего с философией. Мне достаточно моей морали. Это вроде правила, заключенного в четырех словах: я должен быть точен. Действительно, если я опаздываю на свидание на десять минут, то отправляю телеграмму. Свои обещания я стараюсь выполнять. А приходя на студию или в театр, постоянно говорю себе, что мой желудок, моя головная боль или мое настроение не имеют значения. Имеет значение только работа. Когда душа не знает покоя (а у меня всегда было беспокойно на душе), необходимо быть очень осторожным и точным. Я знаю по собственному опыту, что самое худшее происходит тогда, когда тебя охваты-

основа нашего поведения как внутри, так и внешне несостоятельна. Мы не хотим менять то, что в состоянии изменить, или мы на это не решаемся.

— Кое-что изменилось, У нового поколения есть нечто особое. Громадные масштабы мирных демонстраций, например... без оглядки на мое поколение или политиков, это... все-лет большие надежды. Но я не знаю, спасет ли это мир.

— В ваших фильмах женщины выступают как мудрые и сильные личности. Мужчины — эгоцентричны, нетерпеливы, глупы и готовы отказаться от любви ради работы или искусства.

— Внутренние различия между мужчиной и женщиной — это ерунда. Различия создаются обществом, они внешние.

— Ваши фильмы много сделали для освобождения женщины. А какой следующий этап?

— Женщинам следует осознать, в чем просчеты эмансипации. И если они хотят жить по-новому, они прежде всего должны найти способы сосуществования с мужчинами. Женщины должны думать об этом. Проблема в том, что

МОЙ ЕДИНСТВЕННЫЙ СПОСОБ ЖИТЬ

— Вы не любите встречаться с малознакомыми людьми?

— Да, я люблю беседовать и работать с теми, кого прекрасно знаю. Мне необходимо ощущение уверенности, я терпеть не могу импровизации. Общаться с людьми случайными часто бывает неприятно. Иногда приходится два часа выносить журналиста, который антипатичен тебе с первого взгляда. Такие часы для меня вечность. Я уже слишком стар и, почувствовав, как это мешает беседе, обычно говорю: «Не думаю, что мы с вами настроены на одну волну, прекратим наш разговор. Идите вашей дорогой, а я пойду своей...» Но иногда бывают интересные встречи, особенно с актерами и режиссерами. Тогда я сосредоточиваюсь: так кто же вы? Что вы хотите от Ингмара Бергмана?

— Вы сказали однажды: «Делать фильм — значит страдать». Не потому ли, что, снимая фильмы, вы как бы пропускаете их через себя, пытаетесь с их помощью решить мучительные для вас проблемы?

— Я сказал бы гораздо проще. Ставить фильм мучительно потому, что каждое утро вы должны идти на студию, зная, что пробудете там девять-десять часов, что обязаны ежедневно отснять три минуты фильма. И это длится пятьдесят, восемьдесят или сто дней. К концу такой работы вы мертвы. Изнуряющий труд, требующий одержимости, страсти. Настоящая мука, заставляющая страдать ваше тело и душу. Чтобы достичь лучшего, приходится постоянно преодолевать себя. Никакой другой художник не подвергается

такому давлению со всех сторон. Скрипач должен думать только о своем инструменте, иногда об оркестре. Но отвечает он только за себя. Тогда как режиссеру приходится управлять необычайно сложной машиной и отвечать за все, что может случиться в ней и с ней. За актеров, технический персонал и съемочную группу. Обычно работа идет слаженно, но иногда что-то вдруг самовозгорается, растет напряжение и такая неразбериха начинается!

— Не считаете ли вы, что телевидение обрекает на гибель кино? В скором времени люди будут смотреть телепередачи по десять часов в день. Кому тогда захочется ходить в кинотеатр?

— Кино будет существовать всегда. И в будущем люди будут испытывать потребность посидеть вместе в зале перед магическим экраном. Нужно учитывать уже накопленный опыт. Молодежь сейчас отвернулась от телевидения и набросилась на видео. Но через несколько лет и эта забавная игрушка наскучит. Люди хотят вырваться из своих пещер, чтобы стать ближе друг к другу.

— И вы хотите бросить кино?

— Разве так уж трудно поверить в то, что я прекратил снимать? Ингмар Бергман не лгун.

Я оставил кино, потому что не смог дальше совершенствоваться. И не хочу снова закабалить себя. Но если бы пришлось бросить театр, это была бы катастрофа, его я люблю гораздо больше. Жизнь была бы кончена. Мое самое сокровенное желание — поставить оперу. «Сказки Гофмана»,

души. Наступает пора душевного спокойствия. Это превосходно. Стареть не всегда приятно, но многое начинаешь больше ценить. Стравинский как-то мне сказал: «Я счастлив, что долго прожил, потому что наконец мне стали нравиться «Песни любви» Брамса». То же и мне хотелось бы сказать. Десять лет назад я терпеть не мог рок. Он выводит меня из себя. А теперь эти ритмы мне даже нравятся (ироническая улыбка). Чем-то они будоражат нас, но танцевать рок я все же не стану. Голос нового поколения всегда будоражит, и надо научиться его слушать.

— Что побудило вас снимать фильмы?

— Однажды я сказал, что начал снимать, чтобы отключиться от своих проблем. Захотел стать хорошим режиссером, потому что не преуспел в личной жизни. Потому что, работая на студии и в театре, был счастлив. Я и сейчас то же ощущаю. Не знаю, удалось ли мне мое бегство. Действительно, не знаю. Во всяком случае, мне повезло, поскольку я мог уйти в работу. Это замечательное средство, помогающее отвлекаться от своих забот.

— В процессе этого бегства вы, по сути, решали свои проблемы, снимая о них фильмы.

— Работая, я не избегал их. Относился к ним профессионально, но держал на расстоянии. Я не углублялся в собственные проблемы, я их обыгрывал, сглаживал слишком грустные или веселые мо-

вает ярость. Это очень опасный момент для меня самого и для окружающих. Я хорошо знаю людей, вижу их насквозь и могу сказать нечто такое, что ранит, как бритва. Слова могут полностью испортить отношения с другим человеком и даже уничтожить его. Мне хорошо известно, как можно ранить человека, раздавить его. Так вот мораль моя проста: не делайте этого...

— Когда несколько лет назад вы покинули Швецию из-за конфликта, связанного с налогами, вы написали прощальное письмо, в котором назвали власти «горсткой игроков в покер охваченных жадной престижа». А социал-демократию вы назвали идеологией гнилого компромисса.

— Это не было продиктовано слепой яростью из-за того, что полиция вытащила меня прямо из кресла с театральной репетиции для допроса. Я уверен, что и сейчас так думаю. Это непросто объяснить. Демократия стала составной частью нашего мышления, нашей идеи. Но в то же время демократия наша может кончиться на больничной койке. Когда я говорю, что демократия больна, я имею в виду лидеров, которые рвутся к власти и идут ради ее получения на «гнилой компромисс».

— Считаете ли вы, что мир сегодня подошел к бесповоротной точке? Когда-то вы заметили: «Наши политические системы скомпрометированы и бесполезны. Социальная

до недавнего времени все они хотели одного — работать. Но полного освобождения не получились. Женщинам следует изменить свои позиции, найти нечто иное.

— Когда вы получили премию Эзрама в 1965 году в Голландии, вы заявили, что искусство «в наши дни особой роли не играет».

— Искусство неспособно наделять нас властью и возможностью изменять ход нашей жизни. Со стороны всякое движение выглядит внушительно и, кажется, обладает непомерной жизненной силой. Так и художники, если посмотреть, борются, и очень активно, чтобы создать для самих себя и для все менее заинтересованной публики образы иного мира. Но в этом мире, как ни печально, не находится места для их творчества и идей. В целом, когда искусство свободно, но при этом цинично и безответственно, а жизнь вокруг лихорадочно кипит, оно напоминает мне змеиную кожу, полную муравьев. Змея уже давно мертва, она сгнила, утратила свой яд, но ее кожа еще шевелится, наполненная беспорядочной жизнью

...И все же я не знаю иного способа жить, какой бы ни была кожа, в которой я выжусь. Я не знаю, кто видел мои фильмы и кому они оказались нужны, я знаю только, что я их сделал.